

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ*

А. В. СТОВБА**

Стовба Алексей Вячеславович,
кандидат юридических наук,
Национальный юридический
университет им. Ярослава
Мудрого
(Харьков, Украина)

Статья представляет собой ответ на критику О. В. Мартышина по поводу неклассических подходов к праву на постсоветском пространстве. Отмечая наличие в критике ряда позитивных моментов, направленных на актуализацию предметного различия философии права и общей теории права, а также специфики философско-правовой методологии, автор настоящей статьи полагает, что со своей задачей критик не справился. Так, предпринятый О. В. Мартышиным критический разбор воззрений на право ряда современных авторов — В. П. Малахова, С. И. Максимова, И. Л. Честнова и др. — исходит из предпосылок, неадекватных философско-методологической основе упомянутых воззрений. По мнению автора, причина этого — недостаточное внимание О. В. Мартышина к предметной специфике философии права и философско-правовой методологии, без обращения к которым не могут быть в полной мере поняты ни методологическая роль философии права, ни ее смысловые импликации. В результате следует сде-

лать вывод, что критика О. В. Мартышина является плодотворной лишь в той мере, в какой заставляет заново обратиться к фундаментальным правовым вопросам — методологии права, различию философии и теории права, специфике неклассических учений о праве. Вместе с тем попытки критиковать современные подходы к праву на постсоветском пространстве без учета достижений мировой философии права второй половины XX в. зачастую приводят к их неадекватной интерпретации, когда суждения о новейших подходах к праву выносятся на основании устаревшего терминологического аппарата и тем самым утрачивают всякую эвристическую ценность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: философия права, предмет философии права, неклассическое правопонимание, методология философии права, динамическое правопонимание.

STOVBA A. V. ON THE PECULIARITIES OF THE LEGAL-PHILOSOPHICAL METHODOLOGY
The article is the answer to the critical remarks of O. V. Martyshyn as regards the non-classical approaches to law in the former Soviet Union. Noting a number of benefits aimed

* Ответ на статью: *Мартышин О. В.* Об особенностях философско-правовой методологии // Государство и право. 2016. № 6. С. 20–30.

** *Aleksey Vyacheslavovich Stovba* — candidate of legal sciences, Yaroslav Mudryi National Law University (Kharkov, Ukraine).

E-mail: stovba34@mail.ru

© Стовба А. В., 2017

at updating the subject matter difference between the philosophy of law and the general theory of law, as well as the specific character of the philosophical and legal methodology, the author of article nevertheless has to admit that prof. O. V. Martyshyn has failed to achieve his goal. Thus, the critical analysis of the legal conceptions of a number of contemporary legal scholars — V. P. Malakhov, S. I. Maksymov, I. L. Chestnov — is based on the methodological presuppositions which are inadequate to the philosophical and methodological basis of the mentioned view. According to the author, the reason for this lies in the lack of O. V. Martyshyn's attention to the specific character of the subject of the legal philosophy and its methodology without recourse to which it is not possible to fully understand either the methodological role of the philosophy of law or its conceptual implications. As the result, we have come to the conclusion that O. V. Martyshyn's critical remarks are fruitful only to the extent that it makes us re-consider the fundamental legal issues, namely the methodology of law, the difference between the philosophy and the theory of law, the specific character of non-classical legal doctrines. At the same time, the attempts to criticize some contemporary approaches to law in the former Soviet Union without taking into account the achievements of the world philosophy of law of the second half of the 20th century often lead to their inadequate interpretation. The judgments regarding the recent approaches to law are based on the old concepts and, thus, lose their heuristic value.

KEYWORDS: philosophy of law, subject matter of the legal philosophy, non-classical understanding of law, methodology of the philosophy of law, dynamic understanding of law.

В последнее время в постсоветском правоведении можно наблюдать рост интереса к одной из наиболее фундаментальных проблем — разграничению предметного поля философии права и теории права¹. Особо актуальной данная тема представляется для российской правовой науки: если в Украине специальность «философия права» под шифром 12.00.12 была внесена в перечень ВАК еще в конце прошлого века, то в российских высших учебных заведениях философия права сравнительно недавно выделилась из теории права и стала самостоятельным предметом изучения.

Как известно, критериями идентификации любой правовой дисциплины в качестве самостоятельной являются особый предмет и метод, которые отличают ее от смежных областей знания. Однако, несмотря на то что философия права со времен Платона и Аристотеля достаточно прочно утвердилась в истории правовой мысли задолго до появления юридической науки как самостоятельной отрасли знания, некоторые ученые активно подвергают сомнению как наличие особой, философско-правовой методологии, так и предметную специфику философии права как таковой. Характерная черта подобного подхода — критические инвективы в адрес ряда современных российских и украинских правоведов, принадлежащих к неклассическому правопониманию. Яркое воплощение этой тенденции представляет собой статья О. В. Мартышина, опубликованная в 2016 г.

¹ См., напр.: *Стовба А. В.* Предметные границы рассуждений о праве: проблема соотношения теории и философии права // *Проблемы методологии и философии права.* Самара, 2015. С. 5–15.

в журнале «Государство и право»². Далее будет сделана попытка разобрать, насколько справедливы упреки московского профессора в адрес философии права и ее неклассических представителей. При этом следует заранее оговориться, что автор настоящей статьи не претендует на роль «адвоката» правоведов, взгляды которых подвергаются критике со стороны О. В. Мартышина, — все они вполне способны постоять за себя и держать ответ за свои взгляды. Нашей задачей является сущностное опровержение лейтмотива утверждений российского правоведа — о сомнительности предметной и методологической специфики философии права в целом и новизны, содержащейся в работах представителей неклассического правопонимания на постсоветском пространстве, в частности.

О. В. Мартышин начинает с утверждения, согласно которому в философии права в связи с ее абстрактным характером, отвлеченностью от рассмотрения практических вопросов особенно ярко сказывается снижение требований к качеству методологии (с. 21). По мнению российского ученого, попытки конструирования философско-правовой методологии сводятся к добавлению слова «правовой» к давно и хорошо известным способам анализа. В качестве примера приводится употребление украинским исследователем С. И. Максимовым терминов «дискурс» и «рефлексия» (с. 22). Иной неудачной попыткой методологического творчества О. В. Мартышин полагает обращение российского правоведа И. Л. Честнова к феномену «диалога», который, как и другие рекомендованные им «качественные методы» социального исследования (дискурс-анализ, герменевтический анализ текста и пр.), относится к общественной науке в целом, а не к философии права (с. 22). В итоге, резюмирует критик, методологический прорыв на базе философских школ ведет не столько к методологическому выходу за пределы правовой науки, сколько к подмене правовых проблем квазифилософскими или превращению их в квазифилософские (с. 23).

Однако насколько справедливы эти упреки? Для того чтобы ответить на них, следует предварительно определиться, что же мы понимаем под «методологией». Как известно, традиционно методология определяется двойственно: как совокупность познавательных средств, методов, приемов, используемых в какой-либо науке, либо же как область знания, изучающая средства, предпосылки и принципы организации познавательной и практически преобразующей деятельности³. Очевидно, что применительно к философии права речь идет о первом значении данного термина. И в этом плане, безусловно, можно согласиться с представленной критикой: действительно, в философии права нет никакой совокупности познавательных приемов, которые составляли бы исключительное достояние правовых дисциплин. Так обстоит дело в классической философии права, где познавательные приемы и способы, разработанные в рамках великих

² Мартышин О. В. Об особенностях философско-правовой методологии // Государство и право. 2016. № 6. С. 20–30 (далее ссылки на страницы этой работы даются в тексте).

³ Философский словарь / под. ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 329.

философских систем Платона, Аристотеля, Канта, Гегеля, переносились их творцами и в сферу права, позволяя создать оригинальные правовые концепции⁴. Так же обстоит дело и в современной, неклассической правовой мысли, где построения Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, М. Фуко, Н. Лумана, П. Рикера и многих других философов стали базой для феноменологической, экзистенциальной, постмодернистской, коммуникативной, герменевтической философии права.

В полемическом запале О. В. Мартышин упускает то обстоятельство, что его оружие может быть обращено и против него самого, а точнее, против той дисциплины, которую он отстаивает, — науки общей теории права. И в самом деле: какие оригинальные методы составляют исключительное достояние теории права? Еще с институтской скамьи любой будущий юрист знакомится с системным, структурным, сравнительным, контекстуальным, языковым, функциональным, историческим, целевым и добрым десятком иных методов исследования права, зачастую известных со времен античности. Однако все эти методы, если отбросить — по предложению самого О. В. Мартышина — прилагательное «правовой», суть достояние науки как таковой, и полем их применения выступает сфера научной мысли в целом. Да и аксиоматический метод юридической догматики, который представляет собой интеллектуальное конструирование базовых юридических определений, по сути ничем не отличается от аксиоматики в классической геометрии (теорема Фалеса, Пифагора и т. п.) или логики (законы формальной логики Аристотеля), которые, отталкиваясь от имманентных разуму очевидностей, конструируют на этом основании весь корпус соответствующей науки.

В связи с этим ясно, что, говоря о методологии философии права, О. В. Мартышин и критикуемые им философы права находятся на принципиально разных позициях. Если для О. В. Мартышина методология права есть совокупность тех познавательных приемов, которые присущи исключительно сфере правовой науки, то в контексте философии права методология есть *совокупность тех представлений об устройстве мира, границах и пределах его познания, месте человека в мире, исходя из которых формируется понимание права. Подобное правопонимание включает в себя осмысление того, как существует право, как возможно его познать, как право соотносится с законами мироздания в целом и иными смежными феноменами (моралью, религией, обычаями и пр.)*. А так как у разных философов существуют различные взгляды на природу мира, бытия, познания и тому подобных вещей, соответственно будут отличаться и те представления о праве, которые построены на основании различных философских учений.

⁴ В связи с этим вызывает, мягко говоря, недоумение тезис О. В. Мартышина, согласно которому «утверждение о том, что философское мировоззрение детерминирует правовую доктрину, не выдерживает критики» (с. 28). Ведь именно философское мировоззрение досократиков, Платона, Аристотеля, Августина, Фомы Аквинского, Гоббса, Локка, Бэкона, Канта, Гегеля и многих других философов легло в основу как их собственных правовых доктрин, так и учений их многочисленных последователей.

Отсюда с необходимостью следует и ответ на критические замечания в адрес плюралистической концепции истины. Ведь в условиях методологически-мировоззренческого плюрализма и отказа от монополии одной — единственной верной — марксистско-ленинской методологии необходимым образом исчезает и возможность построения единственно верной системы представлений о бытии права (онтологии), возможностях его познания (гносеологии), правовых ценностях (аксиологии) и пр. Но говоря «А» и утверждая, что лишение марксизма-ленинизма монополии на общественное сознание, замена философского и идеологического монизма плюрализмом, реальная легализация свободы мысли представляют собой непреходящую ценность (с. 21), О. В. Мартышин не говорит «Б», отказываясь констатировать тот очевидный факт, что признаваемая им плюралистичность философии в ответах на фундаментальные философские вопросы — о том, как устроен мир, насколько он познаваем, в чем смысл человеческого бытия — с необходимостью ведет и ко множественности представлений о праве, когда вместо одной — единственно верной — концепции права мы имеем дело с конкуренцией различных вариантов право-понимания, каждый из которых претендует на адекватное формирование представлений о правовой реальности.

Из сказанного логически следует и глубоко возмущивший критика отказ от «принципиальности вопроса об истинности философских утверждений» (с. 21). Ведь очевидно, что истинность тех либо иных положений может быть проверена лишь в той же системе координат, в которых они сформулированы. Но единая система координат существует лишь в юридической науке теории права. Напротив, в философии права, в зависимости от той философии, которая принята в качестве точки отсчета, число вариантов философско-методологических координат равно числу существующих философских систем. Иными словами, в свете классической теории истины как «соответствия наших представлений объективному положению вещей» проблема заключается в том, что каждая философия полагает в качестве «объективных» свои представления о мире, человеке и прочих сопутствующих феноменах (в том числе о праве), а поэтому то, с чем должны быть соотнесены наши представления для их верификации, всякий раз будет отличаться — в зависимости от избранной философской системы. Всякая же попытка построения единой системы представлений о мироздании в целом и праве в частности будет автоматическим откатом к монополизации истины одной философско-мировоззренческой парадигмой.

Конечно, О. В. Мартышин безусловно прав в том, что методологический плюрализм должен основываться на солидных культурных традициях, серьезной борьбе идей и ни в коей мере не оправдывает скатывания в халтуру и непрофессионализм (с. 21). Здесь лишь следует добавить, что в силу упомянутых выше факторов «критериями качества» для тех либо иных подходов к праву будет уже не мифическое их соответствие некой «объективной истине» (представления о которой формируются всегда в рамках определенных философских представлений), но добросовестность мыс-

лителя: адекватность его построений тем философским представлениям, которые избраны в качестве точки отсчета, виртуозное владение соответствующим терминологическим аппаратом, соответствие логики его рассуждений принятой им философской системе и пр. В данном случае «полем битвы» различных вариантов правопонимания служит уже *не степень их соответствия «истине», а глубина охвата ими фундаментальных условий возможности бытия права*. Так, неклассические представления о бытии права как коммуникации, диалоге, происшествии и т. п. не отрицают «истинности» положений правовой классики о праве как естественной либо позитивно-правовой норме. Однако они упраздняют *базовый* статус правовой нормы для правового характера действительности в целом, полагая, что и сам правовой статус нормы *произведен* от более изначальных феноменов — правовой коммуникации, правового происшествия, правового диалога и т. п.

Из сказанного следует и второе важнейшее положение, служащее водоразделом теории и философии права: различие их предмета. В силу описанной выше методологической плюралистичности философии права и невозможности построения одной-единственной «истинно верной» системы представлений о праве на место *истины* как предмета правовой науки заступает *смысл* права⁵. При этом под смыслом права понимается не функциональное значение совокупности норм, но «то, что делает право — правом», или, иными словами, то, «откуда», «из чего» мы понимаем право как право. Этот, философский по своей сути, вопрос о скрытой основе как бытия права, так и наших представлений о нем игнорируется правовой наукой, которая, как юридическая догматика, произвольно приписывает правовой статус не только властному распоряжению суверена, но и всему массиву явлений, смежных с ним. Так, юридическая наука превращает человека в «субъекта права», отношения между людьми — в «правоотношения», вещи — в «объекты» права. В данную плоскость вписываются и взгляды О. В. Мартышина, согласно которым «предметом философии права служит как раз юридическая природа права, а “предельные основания” рассматриваются как факторы, определяющие его юридическую природу. Вообще сомнительно, имеет ли право свои предельные основания, скорее они универсальны для всего сущего, или, во всяком случае, для всей общественной жизни» (с. 24).

Из этого — фундаментального — различия во взглядах на предмет философии права следует осмыслять и всю ту критику, которую О. В. Мартышин развертывает в отношении неклассической философии права. Конечно, сложно не согласиться с утверждением российского правоведа о бесплодности механического переноса философских конструкций в правовую теорию, результатом чего является терминологическое переодевание давно известных истин (с. 24). К сожалению, далее критик не

⁵ С исключительной полнотой этот вопрос раскрыт в: Неклассическая философия права: вопросы и ответы: коллективная монография / под ред. А. В. Словбы. Харьков, 2013. С. 41, 71, 111, 153, 169.

дает напрашивающихся иллюстраций заявленного тезиса конкретными примерами такого «переодевания». Так, анализируя взгляды С. И. Максимова, О. В. Мартышин ограничивается выводом о том, что «в данном случае речь идет о бытии сущностей, которые совершенно недоказуемы. Они могут быть уместны в философской системе, тогда как теории права они не придают ничего, кроме философского тумана» (с. 24). Да и в приведенных далее цитатах из работ Ю. Е. Пермякова, И. Л. Честнова, В. П. Малахова и др. (с. 24–26) не замечается никакого «переодевания давно известных истин»: напротив, О. В. Мартышин упрекает этих исследователей в приверженности идеям идеализма и «антропологического поворота», который страдает фундаментальными недостатками (с. 26).

Однако действительно ли неклассическая правовая мысль на постсоветском пространстве виновна в смертных грехах, приписываемых ей О. В. Мартышиным: механическом заимствовании философских идей, терминологическом переодевании, переводе давно известных истин на «иностраный язык» философских терминов, слепом следовании моде на «идеализм» (с. 24–28)? Представляется, что на эти упреки следует дать отрицательный ответ. Более того, следует предположить, что на рубеже XX–XXI вв. на постсоветском пространстве возник ряд концепций правопонимания, которые хотя и можно в общем отнести к неклассическому направлению правовой мысли, однако принципиально нельзя отождествить ни с одним из известных до сих пор подходов внутри него (правовой феноменологией, герменевтикой, коммуникативно-дискурсивной философией права и пр.). Речь идет прежде всего о диалогической концепции права И. Л. Честнова, концепции правовой реальности С. И. Максимова, феноменолого-коммуникативной теории права А. В. Полякова, либертарно-институциональной концепции В. А. Четвернина, темпоральной онтологии права А. В. Стовбы⁶.

Так, А. В. Поляков понимает под правом динамичный, изменчивый и подвижный феномен, который он концептуализирует как правовую коммуникацию. По его словам, право представляет собой не абстрактную метафизическую идею, не априорную ценность, не символически-текстуальное (знаковое) предписание, за которым стоит чья-то «воля», а «живое» (целостное, развивающееся), социальное явление⁷. По утверждению С. И. Максимова, право исходным образом существует как правовая реальность, которая не являет собой какую-то субстанциальную часть реальности, а есть лишь способ организации и интерпретации определенных аспектов социальной жизни, бытия человека⁸. Согласно позиции И. Л. Честнова, право представляет собой единство и различие, т. е. диалог уникального (конкретного, фактического взаимодействия — правоотношения, в котором существует субъективное право) и типичного, повторяющегося

⁶ Там же.

⁷ Поляков А. В. Прощание с классикой, или Как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 12.

⁸ Неклассическая философия права... С. 32.

(т. е. объективной нормы права)⁹. В свою очередь, В. А. Четвернин трактует право как комплекс институтов, подчиняющий социальные взаимодействия правовому принципу — запрету агрессивного насилия¹⁰. При этом под социальным институтом В. А. Четвернин понимает выражающий определенный принцип и выполняющий некую функцию устойчивый порядок социальных коммуникаций (система норм, формальных и неформальных правил)¹¹. Для А. В. Словбы исходным правовым феноменом является правовое бытие как притяжение между совершенным деянием и его правовыми последствиями¹². Схожую специфику имеют взгляды таких правоведов, как И. Д. Невважай, В. И. Павлов, Ю. Е. Пермяков, которые в настоящее время пребывают на стадии формирования своих концепций.

Представляется, что, несмотря на присущие им различия и индивидуальные нюансы, общую специфику перечисленных подходов можно выразить общим названием «динамическое правопонимание» в той мере, в какой для всех них характерно осмысление права как подвижного, изменчивого, процессуального по своей сути феномена. Необходимо подчеркнуть, что «динамичность» в данном случае не означает простой необходимости принять во внимание содержательную изменчивость норм права, вызванную историческими, социальными либо культурными факторами. Российский философ А. Г. Черняков отмечает, что универсальный онтологический термин — греческое *δύναμις* — отсылает к одному из смыслов бытия в аристотелевском реестре смыслов — к *δυνάμει ἐν*, т. е. к тому, что может быть либо не быть некоторым определенным, оформленным сущим¹³. Тем самым динамичность права означает не просто его «подвижность», «текучесть» или «изменчивость». В первоначальном значении греческого *δύναμις* коренится нечто большее: динамичность в этом случае следует трактовать как попытку понять, почему то или иное сущее является правовым, тогда как оно могло бы быть и иным (противоправным, внеправовым и т. д.) — или не существовать вообще.

Иными словами, фундаментальной чертой всех перечисленных подходов является убежденность их авторов в том, что существование права — вовсе не априорная аксиома. Ведь вполне может случиться так, что права может и не быть — не существовать, не случиться. То, что право было вчера, вовсе не означает, что оно существует сегодня. А то, что оно есть сегодня, отнюдь не гарантия того, что оно будет существовать завтра. Тем самым можно сделать вывод о том, что право, согласно представлениям упомянутых правоведов, существует не *континуально*, как идея, закон, основная норма, но *дискретно, воспроизводясь* в ходе отношений между

⁹ Честнов И. Л. Диалогическая антропология права как постклассический тип правопонимания: к формированию концепции // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 81.

¹⁰ Неклассическая философия права... С. 202–203.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 128.

¹³ Черняков А. Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля, Хайдеггера. СПб., 2001. С. 60.

людьми. Как указывает И. Л. Честнов, именно *экспликация механизма воспроизводства права — главный показатель научной новизны* неклассики¹⁴.

Представители динамического правопонимания по-разному видят особенности функционирования данного механизма, специфицируя его как «динамическую структуру правовой реальности» (С. И. Максимов), правовую коммуникацию (А. В. Поляков), правовое происшествие (А. В. Стомба), правовой диалог (И. Л. Честнов), правовой институт (В. А. Четвернин) и др. Однако все они едины в том, что бытие права не абсолютно, но относительно, поскольку нуждается в своем воспроизводстве посредством социальной практики. Из этого следуют все те общие особенности данного типа правопонимания, которые можно вычлениить из принадлежащих к нему подходов.

Во-первых, это отказ от представлений о праве как феномене, который априорно наделен абсолютным бытием, т. е. не может не существовать, а может быть лишь нарушен. В отличие от этого динамическое правопонимание тяготеет к осмыслению права как динамического феномена (диалога, коммуникации, бытия и т. д.), который не существует в пространстве и времени непрерывно (континуально), но воспроизводится в ходе человеческой деятельности, т. е. существует дискретно. При этом следует оговориться, что под существованием права в динамическом правопонимании понимается не наличное бытие некой правовой субстанции, но смысловая идентификация соответствующего сущего, явления либо процесса. Закономерное следствие такого похода — убеждение в том, что право не может быть априорно отождествлено с каким-либо сущим, а тем самым и отказ от реификации (овеществления) права. Поэтому общим для динамического правопонимания можно считать метафорическое утверждение, согласно которому «права как такового не существует» (А. В. Поляков) в том смысле, что это слово «не имеет постоянного эмпирического референта» (С. И. Максимов).

Во-вторых, в результате отказа от трактовки права исключительно как Должного, наделенного абсолютным (континуальным) бытием (идеи, нормы и т. п.), и перехода к пониманию права как дискретного — такого, что воспроизводится — динамического, подвижного образования (происшествия, коммуникации, дискурса), динамическое правопонимание преодолевает дихотомию сущего и Должного в праве. Поэтому в отличие от Ю. Хабермаса или Р. Алекси, которые также отождествляли бытие права и динамический дискурс, однако полагали, что такой дискурс существует постоянно (т. е. континуально, пусть даже в идеальном измерении, который служит Должным — критическим масштабом для «реальных» правовых феноменов), представители динамического правопонимания считают, что право, как онтологически-смысловой механизм его воспроизводства (диалог, коммуникация, происшествие), является составляющей отношений между людьми, а не отделенным от них Должным. Тем самым классиче-

¹⁴ Честнов И. Л. Научная новизна постклассической юриспруденции // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2. С. 13.

ская дихотомия сущего и Должного в праве оказывается преодолена в той мере, в какой право уже не является ни чисто Должным (вследствие его экзистенциальной либо социальной онтологизации), ни исключительно сущим (так как право, как механизм своего воспроизводства, существует не налично, т. е. статически-континуально, а динамически-дискретно). При этом подобное мышление права не является и релятивизмом в постмодернистском смысле этого слова, так как существование права (как обретение правовой релевантности соответствующим сущим, процессом либо явлением) в данном случае получает объективное основание — правовой диалог (И. Л. Честнов), правовую коммуникацию (А. В. Поляков), правовое происшествие (А. В. Стовба), правовые институты (В. А. Четвернин). Да и согласно С. И. Максимову правовой реальности объективно присуща динамическая структура бытия. Таким образом, в динамическом правопонимании на место классической трактовки права как статичного Должного (идеи права, Основной нормы) приходят неклассические динамические образования (правовой диалог, правовая коммуникация и т. п.), которые укоренены в бытии людей друг с другом, а для динамического правопонимания характерен не *релятивизм*, а *реляционность*, т. е. относительность, хотя и не абсолютная, к иным социальным явлениям и обществу в целом (И. Л. Честнов).

В-третьих, для динамического правопонимания характерно рассмотрение права как социального явления, поиск онтологических истоков права во внешних по отношению к нему феноменах, прежде всего в совместном существовании людей. Основания для такого подхода были заложены еще в правовой феноменологии — А. Райнахом (учение о социальных актах), Н. Н. Алексеевым (нормативные факты), Г. Гуссерлем (экстраординарные события) и т. д. В отличие от классических взглядов на право как Должное, которое с безопасной дистанции регулирует сущую действительность, с позиций динамического правопонимания право как процесс его воспроизводства оказывается укорененным в той самой реальности, которую призвано упорядочить право. Отсюда в отличие от классических поисков сущности права, которая стоит за эмпирическими правовыми явлениями, динамическое правопонимание стремится эксплицировать те условия, при которых соответствующее сущее (явление, процесс) обретает правовой смысл и, соответственно, теряет его.

В-четвертых, поскольку право как происшествие его воспроизводства может происходить не само по себе, а лишь посредством людей, еще одним признаком динамического правопонимания является акцент на «человекомерности» права, на том, что право не может существовать вне отношений между людьми. Творчески развивая идеи А. Кауфманна и Г. Гуссерля, представители динамического правопонимания утверждают, что способность людей осуществлять право в бытии друг с другом укоренена прежде всего в их взаимном признании как субъектов права. Тем самым право — это не «внешнее» явление относительно человека, а феномен, заложенный в совместном существовании людей. Поэтому для динамического правопонимания характерен переход от моносубъекта классического

правоведения к полисубъектности (триалогичности — И. Д. Невважай, диалогичности — И. Л. Честнов, бытию-с — А. В. Стовба), интерсубъективности (С. И. Максимов, А. В. Поляков) и пр. Следствием упомянутого перехода является то, что как позитивное, так и естественное право выступают уже не «априорными», т. е. «первичными», а «вторичными», производными правовыми феноменами, которые имеют экзистенциальное основание в актах признания.

В-пятых, вследствие отказа от реификации права и рассмотрения его как дискретного явления, которое онтологически укоренено в процессах диалога, коммуникации, событийности и пр., методологической особенностью динамического правопонимания выступает стремление описать закономерности тех процессов, в ходе которых воспроизводится право, — правового происшествия (А. В. Стовба), правового диалога (И. Л. Честнов), правовой коммуникации (А. В. Поляков) и т. д. В отличие от классической понятийной юриспруденции, которая занимала прескриптивную позицию относительно исследуемых явлений, для динамического правопонимания характерна установка на нарративность, стремление сконструировать ту «динамическую смысловую метафору» (коммуникацию, событийность, диалог), которая в наибольшей мере была бы способна адекватно выразить событие воспроизводства права. Переходом от прескриптивности к нарративности обусловлено и широкое понимание правовой нормы как закономерности человеческого общежития, акцент на производном, вторичном характере классической, позитивной или естественно-правовой нормы права. Это положение динамического правопонимания имеет определенное сходство с «социологическим позитивизмом» украинского теоретика П. М. Рабиновича, который также акцентирует обусловленность права социальными факторами, прежде всего потребностями. Однако сторонники динамического правопонимания настаивают на том, что право не просто обусловлено социальными факторами, но — как дискретно-сингулярный механизм его бытия-воспроизводства — существует неотделимо от человеческого бытия, имея не просто социологическую, но экзистенциально-онтологическую подоснову.

Таким образом, все подходы, относящиеся к динамическому правопониманию, отнюдь не могут быть сведены к уже существующим концепциям права — феноменологической, герменевтической, экзистенциальной, коммуникативно-дискурсивной и т. п., которые имеют лишь внешнее сходство с ними. Ведь динамичность права как его процессуальность, текучесть, изменчивость находит отражение прежде всего в плоскости кардинально новой правовой онтологии, разработанной представителями динамического правопонимания. Ее главное и принципиально новое утверждение состоит в том, что право не существует «само по себе», т. е. континуально (как это мыслилось в классических концепциях правового позитивизма либо естественного права), но постоянно рискует не воспроизвестись в качестве реальной составляющей человеческого общежития (например, при совершении преступления, массовых беспорядках, революции, гражданской войне и т. п.). Следовательно, право, как первично *дискретное*

по своему характеру явление, нуждается в механизме своего воспроизведения, который обеспечивает существование права и сам может быть отождествлен с ним. Примерами таких механизмов как раз и выступают правовая реальность в ее динамическом аспекте, правовая жизнь, правовая коммуникация, правовое происшествие, правовой диалог и т. д. *Поэтому основным достижением представителей динамического правопонимания является конструирование принципиально новой онтологии права — динамической и преимущественно дискретной, а также экспликация конкретных механизмов воспроизводства права — правовой реальности, коммуникации, диалога и пр.*

Из изложенного следует предположить, что О. В. Мартышин неадекватно интерпретирует один из важнейших тезисов динамического правопонимания — о так называемой человекомерности права. Так, российский правовед, критикуя И. Л. Честнова, С. И. Максимова и некоторых других «неклассиков» за «антропологический поворот в праве», указывает, что антропологический поворот в неклассическом правопонимании исходит из внеисторического определения человека (с. 26); вторым его недостатком является отношение к человеку как к правовому существу (с. 27). По мнению О. В. Мартышина, правовой человек как онтологическое основание права — очередное переложение социологической или интегральной теории права с вкраплениями Канта, Гегеля и юснатурализма (с. 28). Однако, оспаривая положение, согласно которому творец права — «отдельный, конкретный, “сиюбытный” человек» (с. 25), критик упускает из виду то обстоятельство, что под «творением» права в данном случае следует понимать не его «создание» (подобно принятию нормативно-правового акта), но его *воспроизводство в ходе отношений между людьми, без которого любое «классическое право» — как естественное, так и позитивное — оказывается всего лишь мертвой совокупностью норм*¹⁵. При этом подобное воспроизводство не является и «применением» права, поскольку оно может быть осуществлено и теми, кто не знаком с содержанием норм действующего законодательства. Необоснованно и критическое утверждение о том, что в неклассике право «творит» лишь отдельный человек: как уже было отмечено выше, характерной чертой динамического правопонимания является отход от моносубъекта и акцент на диалогичности, триалогичности, «со-бытийности» — короче говоря, полисубъектности и интересубъективности правовой коммуникации, диалога, дискурса.

Тем самым становится отчетливо видно, что все упреки в адрес неклассики — тяга к запретному плоду философского идеализма (с. 24), выведение права из индивидуального правосознания (с. 25), перевод известных текстов и истин на «иностранный язык» (с. 28) — безоснова-

¹⁵ Дробышевский С. А., Орлова С. В. О так называемых «мертвых» юридических нормах в политически организованном сообществе // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: к 60-летию А. В. Полякова: в 2 т. Т. 2. Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова; предисл. Д. И. Луковской, Е. В. Тимошиной. СПб., 2014. С. 342–347; Неклассическая философия права... С. 138 и сл.

тельны. «Иностранным» язык неклассики в целом и динамического право-понимания в частности оказывается лишь для тех, кто, не утруждая себя детальным критическим разбором достижений мировой философско-правовой мысли XX в. (прежде всего феноменологии и герменевтики права, правового экзистенциализма и пр.), втискивает ее в прокрустово ложе устаревших категориальных сеток, сформулированных десятки лет назад в целях борьбы с «идеологически чуждыми элементами». Ведь правовая коммуникация, правовое происшествие, правовая реальность, правовой диалог, правовые институты не являются, строго говоря, ни чисто «материальными», ни «идеальными» образованиями в той мере, в какой эксплицируемое ими устройство бытия права включает в себя как «материальные» (люди, вещи, тексты) так и «идеальные» (смысловые) компоненты. Тем самым разделение на «материализм» и «идеализм» применительно к неклассической философии права неплодотворно и не имеет никакого эвристического значения. Да и вообще вызывает сомнение, может ли существовать какая-либо последовательно материалистическая концепция права. Ведь даже правовой позитивизм не отождествляет правовую норму с ее «материальным носителем» — текстом нормативно-правового акта, а сами позитивисты полагают в основу своих построений «идеальные» образования — основную норму (Г. Кельзен), правило признания (Г. Л. А. Харт) и т. д.

Подводя итоги, отметим, что критика О. В. Мартышина несомненно плодотворна в той мере, в какой заставляет заново обратиться к фундаментальным правовым вопросам — методологии права, различию философии и теории права, специфике неклассических учений о праве. Вместе с тем попытки критиковать современные подходы к праву на постсоветском пространстве без учета достижений мировой философии права второй половины XX в. зачастую приводят к их неадекватной интерпретации, когда суждения о новейших подходах к праву выносятся на основании устаревшего терминологического аппарата и тем самым утрачивают всякую эвристическую ценность.

Литература

Дробышевский С. А., Орлова С. В. О так называемых «мертвых» юридических нормах в политически организованном сообществе // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: к 60-летию А. В. Полякова: в 2 т. Т. 2. Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова; предисл. Д. И. Луковской, Е. В. Тимошиной. СПб.: Издательский дом «Алеф-пресс», 2014. С. 342–347.

Мартышин О. В. Об особенностях философско-правовой методологии // Государство и право. 2016. № 6. С. 20–30.

Неклассическая философия права: вопросы и ответы: коллективная монография / под ред. А. В. Стовбы. Харьков, 2013. Библиотека международного журнала «Проблемы философии права». 272 с.

Поляков А. В. Прощание с классикой, или Как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 9–42.

Стовба А. В. Предметные границы рассуждений о праве: проблема соотношения теории и философии права // Проблемы методологии и философии права. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2015. С. 5–15.

Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.

Черняков А. Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля, Хайдеггера. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 460 с.

Честнов И. Л. Диалогическая антропология права как постклассический тип правового понимания: к формированию концепции // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 67–83.

Честнов И. Л. Научная новизна постклассической юриспруденции // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2. С. 7–15.

References

Chernyakov A. G. *Ontologiya vremeni. Bytie i vremia v filosofii Aristotelia, Gusserlia, Khaideggera* [The Ontology of the Time. Being and Time in the Philosophy of Aristotle, Husserl, Heidegger]. St. Petersburg, Higher Religious-philosophical school Publ., 2001. 460 p. (In Russian)

Chestnov I. L. Dialogicheskaya antropologiya prava kak postklassicheskii tip pravoponimaniia: k formirovaniu kontseptsii [Dialogical Anthropology of Law as Post-classical Type of Legal Thought: towards the Formation of the Conception]. *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of the Theory of Law]. 2008, no. 1, pp. 67–83. (In Russian)

Chestnov I. L. Nauchnaia novizna postklassicheskoi iurisprudentsii [The Scientific Innovation of the Post-classics Jurisprudence]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovani* [Russian Magazine of the Legal Researches], 2016, no. 2, pp. 7–15. (In Russian)

Drobyshevskiy S. A., Orlova S. V. [About the So-called “dead norms” in the Political-organized Society]. *Kommunikativnaia teoriia prava i sovremennye problemy iurisprudentsii: k 60-letiiu A. V. Poliakova: v 2 t. T. 2. Aktual'nye problemy filosofii prava i iuridicheskoi nauki v svyazi s kommunikativnoi teoriei prava* [The communicative theory of law and contemporary problems law: the 60th anniversary of A. V. Polyakov: in 2 vols. Vol. 2. Actual Issues of the Legal Philosophy and Legal Science in its Connection with the Communicative Theory of Law]. Eds. M. V. Antonov, I. L. Chestnov; Foreword by D. I. Lukovskaya, E. V. Timoshina. St. Petersburg, Editional House “Alef-press”, 2014, pp. 342–347. (In Russian)

Filosofskii slovar' [Dictionary of Philosophy]. Chief. ed. I. T. Frolov. 7th ed., remast. and add. Moscow, Republic Publ., 2001. 719 p. (In Russian)

Martyshyn O. V. Ob osobennostiakh filosofsko-pravovoi metodologii [About the Specific of the Legal-philosophical Methodology]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2016, no. 6, pp. 20–30. (In Russian)

Neklassicheskaya filosofiya prava: voprosy i otvety: kollektivnaia monografiia [Non-classic Philosophy of Law: Questions and Answers. Collective monograph]. Chief ed. A. V. Stovba. Kharkov, 2013. The library of the international journal “Problems of philosophy of law”. 272 p. (In Russian)

Polyakov A. V. Proshchaniye s klassikoi, ili Kak vozmozhna kommunikativnaia teoriia prava [Goodbye to Classic or How it is possible the Communicative Theory of Law]. *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of the Theory of Law], 2008, no. 1, pp. 9–42. (In Russian)

Stovba A. V. [The subject's borders of the thinking about law: the Issue of the Relations Between the Theory of Law and Legal Philosophy]. *Problemy metodologii i filosofii prava* [Issues of the Methodology and Legal Philosophy]. Samara, Samara Humanitarian Academy, 2015, pp. 5–15. (In Russian)